

Глава 5

Истоки месопотамского монашества

1. Автохтонный характер сирийского монашества

Пока что мы рассматривали первоначальный период истории аскетизма, то есть, можно сказать, предысторию монашества. Теперь же мы предлагаем продвинуться несколько дальше, обратившись к происхождению монашества в Месопотамии.

Откуда это важное и плодотворное явление пришло в сирийское христианство?

Этот вопрос поднимает одну из наиболее запутанных проблем в истории сирийского христианства. Церковные историки слишком часто считали очевидным, что проблемы тут никакой нет, полагая, что месопотамское монашество происходит от того общего движения, которое возникло в Египте в результате деятельности Антония и Пахомия. Стала общим местом точка зрения, согласно которой египетское монашество являлась той рассадой, которая была пересажена в другие страны, в том числе на сироговорящие территории. Но было ли всё так на самом деле? Не является ли это упрощением непростой проблемы? Чтобы продвинуться на пути к ответу, мы постараемся познакомиться со всеми доступными сведениями, касающимися этой проблемы, начиная с самых ранних источников.

С самого начала необходимо отметить, что от важной для нас эпохи осталось крайне мало источников, заслуживающих доверия. Информация, представленная в некоторых сирийских источниках, на поверку оказывается

гораздо менее надёжной и подробной, чем то пытались представить их авторы.

У нас имеется история Мар Авгена, которая посвящена событиям, происходившим как раз в годы зарождения сирийского монашества. Согласно сообщениям этого документа, появление монашества в Месопотамии произошло в результате влияния деятельности Пахомия. Мар Авген при этом представлен как ученик Пахомия, причём своих спутников он привёл в Месопотамию тоже из Египта. Очевидно, что этот документ не выдерживает критики. При близком знакомстве с текстом становится понятно, что его автор даже приблизительно не представлял себе, как обстояло дело в реальности. По-видимому, этот памятник состоит из многих частей разного происхождения, которые были составлены вместе, причём фигура самого Мар Авгена зачастую отходит на второй план. Изучение этого памятника показывает, что он не мог возникнуть раньше XI века.

Итак, если признать, что этот источник представляет собой позднюю подделку, могут ли в нём содержаться какие-то подлинные фрагменты, относящиеся к жизни человека, с которым связывают возникновение месопотамского монашества? По-видимому, и на этот вопрос ответ будет отрицательным. Хорошо известно, что в богослужении в диптихах сохраняется память о наиболее важных личностях в истории местной Церкви, причём такие документы редко подвергаются изменениям. Богослужебные традиции сирийцев сохранили имена самых известных древних монахов, и имена эти отличаются от имён отцов египетского монашества, причём о некоторых из этих сирийских монахов мы не знаем ничего помимо имени. При этом нет ни одного имени, хотя бы отдалённо

напоминающего имя Мар Авген. Невозможно себе представить, чтобы имя одного из наиболее значительных основателей месопотамского монашества могло быть на каком-то этапе опущено, — тем более, нет никаких свидетельств в пользу того, что египетские традиции могли намеренно уничтожаться.

Имеется также ряд сохранившихся документов на сирийском языке, в которых делается попытка описания событий, имевших место в начале IV века. Проблема, однако, состоит в том, что эти документы возникли на много веков позже, так что само их стремление к точным и подробным описаниям показывает, что доверять им нельзя. Все подобные источники, которые имеют дело не с историей, а с легендами, для наших целей не имеют ценности.

У Иеронима Стридонского имеется примечательное сообщение по поводу истоков сирийского монашества. Он сообщает об Иларионе, ученике Антония Великого, который поселился в пустыне к югу от Маюмы. Иероним говорит, что будто бы этот муж стал основателем монашества у сирийцев, при том что до этого у них не было ни монахов, ни монастырей. Этот взгляд соответствует и тому, что известно из сирийской традиции после Иеронима, — в ней Иларион считается основателем сирийского монашества.

Конечно, у нас нет повода не доверять Иерониму, который во время своего пребывания в Халкидской пустыне общался с сирийцами, отстоящими от описываемых событий не более чем на одно поколение. Очевидно при этом, что это сообщение Иеронима лишь косвенно касается интересующей нас проблемы. Как мы увидим позже, его лучше использовать при рассмотрении того, как сирийское

монашество развивалось, а не как оно возникло. Иероним писал вдали от тех районов Месопотамии, где жило многочисленное и активное христианское население; при этом Месопотамия практически не имела контактов с Западом и оставалась почти не затронутой эллинизмом. Здесь, конечно, встаёт вопрос — имело ли египетские корни монашество в эллинизированной и (прото)ортодоксальной части христианского мира? И не можем ли мы при этом ожидать, чтобы в тех областях, где христианизация проходила иным путём, на возникновение монашеского движения влияли совсем иные факторы?

Итак, поскольку в источниках отсутствуют точные данные о возникновении монашества, этот вопрос не имеет простого ответа.

Мы оказываемся на более твёрдой почве, направив наше исследование к тем данным, которые сохранились в важнейшем труде Феодорита о монашестве, включающем в себя небольшой исторический обзор. Поскольку Феодорит владел сирийским языком, проявлял значительный интерес к монашеству и был знаком с сирийскими монахами, можно предположить, что он обладал достоверными сведениями о более ранней эпохе. Благодаря этому сообщаемые им сведения имеют значительную ценность. В первую очередь, важен тот факт, что ему ничего не известно о египетском происхождении месопотамского монашества. Более того, его данные достаточно определённо указывают в другом направлении. Влияния, согласно Феодориту, были направлены с Востока на Запад, а не наоборот.

В начале своего сочинения, в качестве введения к последующим рассказам Феодорит рассказывает о двух старейших монахах. По понятным причинам эти два рассказа привлекают наше внимание в первую очередь. К

сожалению, Феодорит ничего не говорит об источниках своей информации — он нигде ничего не сообщает о том, откуда он узнал то, о чём рассказывает. Это могли быть и устные рассказы, однако не исключено, что в его распоряжении оказались некие письменные документы. Как бы то ни было, его сведения, по-видимому, могут дать нам ключ к пониманию того, что из себя представлял древнейший период сирийского монашества.

Одним из этих двух монахов был Иаков (Яаков, *Yaʿqob*) Нисибинский. Некоторые приводимые Феодоритом подробности, касающиеся Иакова, будут важны для нашего обсуждения в дальнейшем. Феодорит сообщает, что Иаков, был монахом, который оставил свою общину и избрал жизнь в горах, то есть на самых высоких скалах в окрестностях Нисибина. Вдали от цивилизации и вообще от людей он жил как анахорет, будучи живым упрёком всему, что связано с цивилизацией.

Помимо того что фигура Иакова Нисибинского важна и интересна сама по себе, она также привлекает наше внимание с точки зрения хронологии. Поскольку его имя стало известным каждому сирийцу, исторические сведения о нём не были полностью утеряны. Он был включён в древний мартиролог, сохранившийся в составе кодекса, написанного в 411 году, даже несмотря на то, что сам он мучеником не был. Его имя упомянуто среди подписей в деяниях Никейского Собора 325 года. Согласно данным Эдесской хроники, он умер в 338 году. Другая хроника — Мшихазеки (*Mšihā-Zkā*) — связывает Иакова с Шерией (*Šrīā*), епископом Арбелы: сообщается, что в епископство Шерии Иаков был знаменитым монахом, жившим в окрестностях Нисибина, которого Шерия часто посещал,

чтобы получить у него благословение. Епископство Шерии можно датировать 305–316 годами.

Имеется ещё один источник, связанный с местными нисибинскими традициями. В диптихах нисибинской церкви Илия бар Шинайа обнаружил сведения об Иакове, которые он использовал в своей хронике; он, в частности, сообщает, что тот стал епископом Нисибина, став преемником епископа Бабу. Эти сведения, однако, нельзя считать надёжными, поскольку они не подтверждаются никакими иными источниками. В то же время в нашем распоряжении имеется свидетельство человека, тесно связанного с Нисибином, что позволяет нам значительно продвинуться в нашем исследовании. Речь идёт о Ефреме, который в своих поэтических произведениях даёт понять, что Иаков был первым по времени епископом в ряду Иаков — Бабу — Валагеш — Авраам, а не вторым после Бабу, как указывал Илия. Таким образом, его епископство могло начаться в первые годы IV века или даже раньше.

Итак, мы предполагаем, что около 300 года Иаков стал епископом Нисибина; вероятно, к этому моменту за его плечами были годы монашеской жизни, результатом которой стала широкая слава, отражённая в его наименовании «главой Месопотамии». Мы можем с достаточной степенью уверенности полагать, что уединённая монашеская жизнь Иакова началась не позже предпоследнего десятилетия III века. При этом в этих наших источниках нигде нет утверждения о том, что Иаков был первым монахом, — напротив, подразумевается, что были монахи и до Иакова.

Истории об Иакове были подвергнуты критической оценке Петерсом, по мнению которого всё рассказываемое о нём не имеет никакой исторической ценности. Петерс

показывает, как Феодорит соединил различные истории и разных людей, или же уже к нему всё попало в смешанном виде. Аргументация Петерса достаточно убедительная, однако она не обязательно опровергает самое важное для нас. Вполне возможно, что наши источники, несмотря на их неточность и легендарный характер, сохранили одно подлинное утверждение — что Иаков происходил из монахов. Принятие постулата о его монашеском происхождении не противоречит принципам критического исследования. Трудно себе представить, как это утверждение могло бы быть опровергнуто, — ведь оно находит подтверждение в поэзии Ефрема, который рассказывает нам о первых трёх епископах Нисибина. Среди них Иаков предстаёт как знаменитый аскет: Ефрем неоднократно и с большим почтением говорит о его подвижнической деятельности в своих гимнах, написанных, по-видимому, в 358 году. Имеется также свидетельство из более ранней по сравнению с Феодоритом традиции, сохранённой Фавстом Византийским, о том, что Иаков жил в горах и пустынях.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что несколько вызывающих доверие сообщений об Иакове Нисибинском, по-видимому, проливают свет на историю возникновения сирийского монашества. Около 280 года, если не раньше, в горах в окрестностях Нисибина уже существовало отшельничество, которое было связано с институциональным христианством Церкви.

Эти выводы поддерживаются рядом подобных наблюдений, к сожалению, не столь надёжных. Обратимся к другим известным месопотамским монахам раннего периода. Следующим по известности после Иакова был Юлиан Сава, Феодорит говорит о нём как об одном из

наиболее выдающихся деятелей месопотамского монашества. В сирийских источниках присутствуют сведения, которые дополняют то, что говорит Феодорит. О Юлиане хорошо знал Ефрем, который составил гимны в его память. К сожалению, лишь в одном из них он приводит подробности биографии Юлиана. Ефрем сообщает, что Юлиан пребыл в монашестве около 50 лет. Поскольку Эдесская хроника датирует смерть Юлиана 678 годом греческой эры, то есть 367 годом по Р. Х., можно сделать вывод, что Юлиан Сава стал монахом приблизительно во втором десятилетии IV века. При этом даже у Ефрема, который хорошо представлял себе ситуацию, мы не встречаем утверждения о том, что Юлиан Сава был одним из первых монахов. Согласно описанию Ефрема, Юлиан следовал монашескому образу жизни, которому следовали и его предшественники. Для нас это, безусловно, очень важно.

Рассмотрение свидетельств о других монахах ранней эпохи приводит примерно к таким же выводам: сирийское монашество возникло не позже конца III века. Конечно, не следует каждое свидетельство, найденное в источниках, считать доказательством в строгом смысле этого слова — ведь у нас нет способа проверить эти сведения. Вместе с тем, все эти свидетельства *в их совокупности* вряд ли возможно опровергнуть. Мы не должны верить всему, что утверждают авторы, но при этом следует учитывать, что многое может оказаться недалеко от истины. Как бы то ни было, перед нами несколько авторов, писавших об истории монашества на основе той информации, которая была им доступна; все они понимали, что монашеское движение возникло до конца III века. При этом, по-видимому, эти авторы хорошо владели своим предметом. Мы не можем

указать какую-то конкретную дату, но обращение к сведениям о самых ранних известных монахах (ни один из которых не считается *первым* монахом) поддерживает наши выводы. Итак, если отдать предпочтение тому, что весьма вероятно, по сравнению с тем, что не подтверждается фактами, то мы приходим к выводу, что монашество к первым десятилетиям IV века уже существовало в Месопотамии. Время же возникновения монашества относится, безусловно, к ещё более ранней эпохе.

Можно сделать и некоторые выводы (хотя и немногочисленные) относительно распространённости монашества около 300 года. Все ранние источники свидетельствуют о том, что месопотамское монашество в своих самых ранних проявлениях никак не было связано с Египтом. При этом открывается некое новое направление исследования. Монашество в то время существовало не только в той части Месопотамии, которая принадлежала Римской империи, но также и на персидской территории. Поскольку мы знаем о взаимных влияниях в христианстве этих двух стран, мы полагаем, что, по-видимому, то же самое происходило и в отношении монашества. Всё, что нам известно, указывает на то, что обе части месопотамского монашества были тесно связаны друг с другом.

Это всё, что можно сказать о самом раннем периоде истории монашества на основании перечисленных выше источников. Сделанные наблюдения не позволяют связать происхождение монашества в Месопотамии с египетскими влияниями. По меньшей мере, об этом свидетельствуют источники, использованные Феодоритом, — они ничего не сообщают о таких влияниях, и им, по-видимому, можно

верить (даже если мы по какой-то причине пренебрегаем данными других источников).

Об Антонии Великом известно, что он появился в Египте около 280–290 годов и что он стяжал славу «звезды пустыни» и «отца монахов». Конечно, сами сирийцы позже поверили в том, что их монашество произошло из Египта; несмотря на это, самые древние данные указывают на то, что версию о египетском влиянии на возникновение и начальный этап существования монашества в Месопотамии нельзя рассматривать всерьёз. С одной стороны, монашество появилось в Месопотамии и Персии слишком рано для этого. С другой стороны, распространение монашества из Египта происходило достаточно медленно. Последнее утверждение подтверждается сообщением Иеронима, который, говоря об Иларионе, утверждает, что до него сирийцы ничего не знали о монахах и монастырях. Это означает, что к моменту поселения этого ученика Антония в Маюме в 306 году монашество, происходившее из Египта, ещё не достигло западной Сирии.

Таким образом, если мы полагаем, что какая-то часть сведений об Иакове Нисибинском и некоторых других монахах заслуживает доверия, то это даёт основание считать, что монашество среди сирийцев, живших в Месопотамии и Персии, возникло самостоятельно и потому может рассматриваться как автохтонное явление.

Наконец, надо учесть ещё некоторые сирийские документы, указывающие в том же направлении. Безусловно, они не обладают большой ценностью с исторической точки зрения, однако они более ранние, чем все те источники, в которых отражена точка зрения о египетском происхождении сирийского монашества. В этих документах возникновение монашеского движения

рассматривается как внутрисирийское явление — вне зависимости от того, возводят ли они его ко дням Мар Мари или же к неким незапамятным временам.

Конечно, наши документы не позволяют заглянуть ещё дальше вглубь времён и таким образом приблизиться к моменту собственно возникновения монашества. Даже описываемые в них события как бы покрыты некой дымкой неопределённости, так что более ранняя эпоха находится за практически непроницаемой завесой. При этом мы уверены в том, что эта завеса скрывает очень важные факторы и события, связанные с возникновением сирийского монашества.

2. Соображения, касающиеся некоторых важных факторов в происхождении сирийского монашества

Так неужели нет никакого способа заглянуть за эту завесу? Нам надо постараться найти такой способ, так как было бы крайне важно чем-то дополнить те немногочисленные указания, которые у нас имеются.

Для начала приведём ряд общих соображений, которые помогут прояснить направление дальнейшего рассмотрения.

Итак, *a priori* нельзя привести никаких аргументов, опровергающих утверждение о том, что монашество в Месопотамии возникло независимым образом. Напротив, такое развитие событий кажется крайне вероятным. Если попытаться представить себе условия и обстоятельства, которые могли привести к возникновению монашества, проще всего предположить, что оно возникло среди людей, занимавшихся внимательным чтением Священного Писания, текст которого при этом понимался буквально.

Вероятно, важную роль играли те тексты Нового Завета, в которых говорится о людях «не от мира сего». В раннем христианстве мы видим тенденцию, свидетельствующую об утрате первоначального благовестия: то, что первоначально рассматривалось как внутренняя духовная свобода и независимость от мирского, позже стало пониматься как необходимость на деле отвергнуть мир, собственный дом и общество.

Ряд людей, о которых повествуется в Ветхом и Новом Завете, могли рассматриваться как осязаемые примеры для подражания; они вели жизнь в пустыне или же жизнь без дома, в которой человеку негде было приклонить голову. Вероятно, не на пустом месте родилась идея, которая впоследствии была общепринятой среди сирийских монахов, о том, что в своём подвиге они следуют библейским образцам. Для Ефрема этими библейскими прототипами монахов чаще всего были Иоанн Креститель и ветхозаветные Илия и Елисей. Возможно, появление подражания этим прототипам в виде отшельничества появилось в Месопотамии столь же спонтанно, как и идея, возникшая в Египте у Антония после прочтения 19-й главы Евангелия от Матфея. В апокрифической литературе упоминаются и другие библейские тексты, которые также могли иметь влияние. У нас есть и прямое свидетельство о том, что для аскетов был важен известный отрывок из Послания к Евреям: «те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли...» (Евр 11:37 и далее). Рассказ Евсевия о Наркиссе Иерусалимском, относящийся к началу III века, также мог описывать события, имевшие место в Месопотамии, хотя, конечно, это невозможно доказать из-за скудности наших знаний. В пользу же этого говорит то, что мы высказали

ранее в отношении взгляда на мир, господствовавшего в древности в общинах сирийского Востока.

Внешние условия могли даже увеличивать число подобных случаев и делать такой образ жизни обязательным в определённых условиях жизни. Так могло обстоять дело в Персии в результате враждебности последователей маздаизма, которые делали жизнь аскетов в общине невыносимой. В таких условиях идея о том, чтобы покинуть общину и вести безмятежную подвижническую жизнь в одиночестве, могла казаться совершенно естественной. Определённое влияние могли также иметь преследования. Во время гонений епископ Власий Севастийский оставил своё жилище и поселился в пещере в горах. Можно также вспомнить свидетельство Ипполита, который пишет о некоем сирийском епископе: этот епископ во время преследований во имя Христа побуждал свою общину спасаться в пустыне. Община, которая (как часто бывало) представляла собой группу людей, помещающуюся в одну комнату, вполне могла стать аскетической колонией в пустыне. Всё это имело место на римской территории. Когда впоследствии начались гонения в Персии, большинство христиан бежало в горы, некоторые же искали прибежища в пустыне и в других удалённых местах. Можно предположить, что когда они получили возможность вернуться, некая часть предпочла остаться, для того чтобы вести спокойную уединённую жизнь.

Следует учитывать и ещё один фактор — веру в то, что за всеми искушающими мыслями и желаниями стоит не только сердце человека, но сам диавол со своей армией злых духов. Люди, жизнь которых протекала в мире Нового Завета и которые постоянно вдохновлялись им, были способны принять решение о том, чтобы сделать ещё один

шаг и вступить в борьбу с демонами. Самые древние монахи вели подвижническую жизнь в соответствии с подобными идеями. Имелось также древнее семитское верование, бывшее популярным на Востоке, о том, что все ненаселённые места, руины, утёсы, ущелья и голые скалы являются жилищем для демонов. Те же мысли были популярны и в парсизме (зороастризме): в то время как полезные растения, обработанные земли и заселённые места отпугивают демонов, голая почва и незаселённые места, напротив, как бы привлекают демонов. С этой точки зрения легче понять, почему «Христовы атлеты» чувствовали побуждение явиться именно в этих местах, в которых обычные смертные боялись появляться и, тем более, поселяться. Таким образом они начинали сражаться с демонами на вражеской территории. Интересно, что это понимание подтверждается и кратким обзором монашеской истории. В ней объясняется, почему монахи называются *nāṛqē* (буквально — выходящие), то есть отшельниками: «они называются *nāṛqē*, во-первых, потому, что они в течение своей жизни вышли из мира; во-вторых, потому, что они вышли для того, чтобы вступить в войну с врагом». Ефрем повторяет древнее предание, говорящее о характере такого подвижника: «Когда он выходит из мира, сила Духа сопровождает его и помазует его как атлета для сражения с тем, кто могуч». Будучи вооружены таким образом, отшельники выходили на войну с «демонами, сынами пустыни» и «духами и демонами в горах» в их собственном жилище, используя молитву и прочие необходимые для этого средства. Этот предмет настолько важен для Ефрема, что он посвящает ему пространное рассмотрение. Нет сомнений, что эта деятельность считалась самыми древними монахами наиболее важной. Все эти побуждения,

по-видимому, сыграли важную роль в становлении сирийского монашества; это становится понятным с учётом подобных верований, а также если мы вспомним тот всеобщий дух «воинов Божиих», который мы обсуждали в предыдущих главах.

3. Причудливые очертания первоначального сирийского монашества

Мы пока немного сказали о возникновении монашества, но при этом сказали достаточно, для того чтобы понимать необходимость дальнейшего исследования. Те факторы, которые мы упомянули, по-видимому, играли заметную роль — речь идёт, например, о том, что христиане покидали свои общины под влиянием библейских примеров или же стремясь к борьбе с демонами в их собственных логовах. Вместе с тем, надо признать, что всего этого недостаточно для объяснения самой ранней фазы в становлении месопотамского монашества. При этом мы сталкиваемся с новыми серьёзными препятствиями. К тому же необходимо учитывать те неожиданные особенности сирийского монашества в Месопотамии и её окрестностях, которые известны из источников.

Можно несколько расширить горизонт исследования, если подойти к нашей проблеме с другой стороны. Для этого мы соберём вместе и исследуем все свидетельства древнейших источников относительно характера первоначального монашества.

Уже греческие отцы считали ранние формы сирийского монашества чем-то очень необычным. В качестве примера: Григорий Назинзин с великим удивлением говорит о сирийских монахах, которые постились вместе двадцать дней, носили железные вериги,

спали на голой земле и непоколебимо стояли на молитве в дождь, ветер и снег.

Григорий в этом не одинок. Описание жизни Иакова Нисибинского у Феодорита позволяет составить представление о древнем монашестве. Этот подвижник полностью отринул всё, что принадлежало к цивилизации. Он избрал для себя уединение на самых высоких горных вершинах и в лесных чащах. Летом его крышей было небо, зимой он находил пристанище в пещере, которая была совсем негодным убежищем. Он не использовал одежды и огня, не имел жилища. Он также отвергал труд и не ел никакой пищи, выращенной с помощью труда, поддерживая свою жизнь тем, что предлагала ему сама природа, то есть растениями и плодами. Даже если мы согласимся с мнением Петерса, согласно которому это описание аскетического образа жизни взято из других источников и затем случайным образом включено в житие Иакова, который таким образом оказывается «украшен чужими перьями», всё равно эта картина не будет совершенно бесполезной для нас.

Конечно, надо с осторожностью подходить к нашему исследованию, и потому мы не удовлетворимся лишь сведениями, которые нам предлагают Григорий и Феодорит. Их интереснейшие описания первоначального монашества можно сопоставить со свидетельствами из древних сирийских источников, а также из армянской литературы. К счастью, в нашем распоряжении имеются документы, которые позволяют приподнять завесу и взглянуть на характер древнего монашества.

Особенно важные сведения о древнем месопотамском монашестве содержатся у Ефрема — в этом отношении некоторые его сочинения бесценны.

В одном из посланий Ефрема (подлинность первой половины его текста не вызывает сомнений) мы узнаём об одном из видов монашества. Принадлежащие к нему монахи оставили свои общины и вели такую жизнь, которая низводила их до состояния диких животных. Они жили среди зверей, ели вместе с ними траву и сидели на скалах подобно птицам. Важной характеристикой этих древних монахов было то, что их единственным видом деятельности была молитва. Больше всего удивляет в них жажда умерщвления плоти и самоуничтожения. Они не только предавались суровому посту и жизни в крайних лишениях — они доходили до того, что презирали саму жизнь. Ефрем свидетельствует об этом их отношении к жизни, говоря, что они не предпринимали никаких предосторожностей против нападения диких животных и змей.

Это интересное описание, содержащееся в одном из посланий Ефрема, получает важное дополнение в других его сочинениях. В одном из его трактатов, который мы в другой нашей работе подвергли критическому исследованию, упоминаются те же самые черты монашества. Древние монахи представлены погрязшими в грязи, имеющими вид диких зверей и длинные волосы — мужи скорее напоминают орлов, а тела их истощены непомерным голодом: «ваши длинные волосы, уподобляющие вас орлам, дают вам крылья (для восхождения) на высоту; грязь, бывшая вам одеждой, соделывает вам одеяние света; испепеляющий жар, снедавший вас в течение дня, уготовляет вам светлый чертог; холод, который мучил вас, оживляет вас новым вином; голод, который снедал вашу плоть, ведёт вас к райскому блаженству; жажда, иссушившая ваши жилы, вливается в вас источником жизни».

В другом, также безусловно подлинном, сочинении Ефрема — одной из его *мемр* (*mēmrā*) — говорится о монахах, которые заняты жестоким самоистязанием и умерщвлением плоти. Этим монахов и их жизнь в пустынных местах автор сближает с миром животного царства. Ефрем приглашает своих читателей «стать спутниками жителей гор и соседями отшельникам». Он добавляет: «Вот, они живут со зверями и птицами, сопутствуют оленям и скачут с оленятами».

В особенности полезны для нашего исследования два аскетических трактата Ефрема, которые также были подвергнуты нами критическому исследованию. В них мы имеем возможность увидеть более ясную картину древнего монашества, которая дополняет то, что уже мы узнали из двух стихотворных текстов Ефрема.

В первом из этих трактатов аскеты — это монахи, отказавшиеся от работы и от городской жизни. Они странствуют в пустынях подобно животным, бродя от места к месту и питаясь травой и кореньями. Они проводят ночи в тесных пещерах, карабкаются на скалы и живут там подобно птицам, роют себе норы на горных вершинах. Они имеют вид дикий и отталкивающий, будучи покрыты грязью и нечистотами. «Они носят на себе бремя своих волос и страдания, причиняемые одеждами: одни из них одеты в лохмотья, другие покрыты соломой». Некоторые из этих монахов совершенно наги. Жизнь их проходит в физической нечистоте. Ефрем ещё раз добавляет, что они стремятся к умерщвлению плоти, а вся их деятельность состоит из молитвы.

В некоторых деталях бóльшую ценность представляет картина, которую рисует второй трактат. Мы видим те же характерные черты этой своеобразной среды, к

изображению которых кое-что добавлено. Сообщается, что монахи отказались от труда и всего, что связано с цивилизацией; они живут подобно животным, едят траву и корни, сурово постятся и странствуют с места на место. Вид их описывается как грязный и дикий: волосы их растрёпанные и неряшливые, они одеты в лохмотья, молитва составляет единственное их занятие. При этом наш источник добавляет кое-что ещё — к счастью, к знакомой картине добавлены некоторые новые штрихи, касающиеся, в особенности, их презрения к жизни и степени умерщвления плоти. То, на что лишь намекали источники, которые мы обсудили выше, здесь говорится прямо. Величайшее желание этих монахов — погибнуть ради Христа в страданиях посредством претерпеваемых мучений. Ефрем сообщает, что существовали группы монахов, которые не желали умереть естественной смертью. Они убивали себя с помощью сурового поста, доводя себя до голодной смерти, и использовали другие средства для того, чтобы ужасным образом мучить себя. Ефрем говорит, что монахи предавали себя диким животным и змеям или же ввергали себя в пламя: «Другие твёрдо утверждались, дабы не пасть; в мыслях своих они решили умереть, и они жаждали этого и отваживались на всякое ужасное дело. Некоторые из них уготовляли себя в пищу змеям и диким зверям, которым они предавали свои тела; иные сжигали тела свои в огне, который пожирал их в их усердии».

Помимо Ефрема, в нашем распоряжении имеются и другие источники. Наиболее авторитетным для самих сирийцев был Исаак (Исхак) Антиохийский — на его сочинения мы опираемся для расширения наших знаний о раннем монашестве. Среди прочих рассказов об обычаях древних монахов, которые во многом совпадают с тем, что

мы уже обсуждали, в одном из его подлинных текстов сохранились сведения о том, что монахи поджигали собственные тела.

Наконец, есть и ещё один подход к рассмотрению первоначального этапа в истории монашества. Поскольку сирийское монашество со всеми своими традициями очень рано было пересажено на армянскую почву, не может ли так случиться, что и здесь сохранились какие-то воспоминания об этом древнейшем периоде? Оказывается, что в самом деле имеются подобные воспоминания и в них содержатся некоторые полезные сведения. Наиболее важные сведения о первоначальном этапе истории монашества в Армении сохранились в выдающемся историческом труде Фавста Византийского, который был написан в конце IV века. Для наших целей полезна его последняя глава, в которой говорится о монахе Гинде и его собратях — сирийцах по рождению: обсуждаются их аскетические обычаи и наказания, которые они применяли к себе самим. Эти монахи были подобны диким зверям, и жили они со зверями: «Они уходили в пещеры, берлоги и расселины; они имели лишь по куску ткани, скитались босиком, умерщвляли плоть, питались травами, плодами и кореньями; подобно диким животным они скитались по горам, будучи одетыми в шкуры. Они наказывали и мучили себя, они пребывали в постоянной опасности, скитались по пустыне в жар и холод, в голоде и в жажде, — всё это из любви к Богу».

Кроме того, известно, что чрезмерный пост и обычай умерщвления плоти с помощью голода были характерными чертами первоначального монашества, когда оно было перенесено в Армению. Таким образом, мы видим,

насколько точно открывающаяся здесь картина совпадает с тем, о чём писали Ефрем и Исаак.

Помимо Фавста, у нас имеется источник ценных сведений, сохранившийся на армянском языке в составе собрания проповедей, принадлежащих Йовхану Мандакуни (умер около 460 года). Одна из проповедей содержит сведения, помогающие понять тесные связи между аскетическими традициями Месопотамии и Армении; в ней также содержатся свидетельства о том, что практика самоуничтожения использовалась также и некоторыми из древних монахов на армянской земле, которые бросались в огонь или же предавали себя диким зверям, достигая таким образом высшей степени умерщвления плоти: «они из покорности шли даже в огонь и навстречу диким зверям».

В заключение мы должны отметить исключительную важность использования сохранившихся на греческом, сирийском и армянском языках наиболее древних документов, в которых содержатся сведения о самом раннем периоде существования монашеского движения у сирийцев. Подробности, обнаруженные в сирийских и армянских источниках, поражают своей отчётливостью — благодаря ним мы получаем возможность составить вполне конкретное представление о своеобразном характере самого древнего сирийского монашества.

Итак, с учётом всего того, что мы обнаружили, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, мы имеем новые данные, подтверждающие те выводы, к которым мы пришли ранее, — что происхождение монашества в Месопотамии не может объясняться как перенесение монашеских идей из Египта в области Тигра и Евфрата. Месопотамское

монашество самой древней эпохи слишком сильно отличается от того, что мы знаем о монашестве в Египте.

Во-вторых, мы можем несколько уточнить наши выводы к предыдущему разделу. Происхождение монашества в Месопотамии не может удовлетворительным образом объясняться только лишь как следование библейским примерам или же как выход на борьбу с демонами. Теперь мы видим, что такие объяснения не способны объяснить весь этот феномен в его полноте.

В третьих, те черты первоначального монашества, с которыми мы познакомились, несмотря на фрагментарность сохранившихся свидетельств, не оставляют сомнений в том, что некоторые из них имели совершенно неожиданное и даже чуждое происхождение. Всякий раз как мы обращаемся к свидетельствам о раннем монашестве, невозможно избавиться от ощущения, что и аскетические традиции, и месопотамское монашеское движение претерпели определённые внешние воздействия, результатом которых стало их масштабное изменение. По-видимому, эти воздействия были очень сильными, поскольку даже в тех вопросах, на которые библейская вера имела простые и безошибочные ответы, эти ответы были заменены на совершенно противоположные: христианский взгляд, согласно которому труд имеет несомненную ценность, был заменён на постулат о том, что единственным подходящим занятием для человека является молитва. Новый взгляд на мир подразумевал враждебность этому миру, жизни и телу; эта враждебность была столь сильной, что возникает вопрос о самой вере в Бога Творца.

Теперь, когда мы стали свидетелями такого положения вещей, возникает вопрос — как мы можем объяснить это странное внешнее воздействие?

4. Роль манихейства в происхождении сирийского монашества

Было бы очень заманчиво связать то, что мы обнаружили в предыдущем разделе, с аскетическим учением и обычаями манихеев. После дополнительного исследования мы убедимся в том, что очень многое говорит в пользу такого решения.

В первую очередь, странные и яркие черты первоначального сирийского монашества великолепно соответствуют тому, что мы знаем о жизни манихейских монахов. Как мы уже видели, манихеи настолько отвращались от всего материального, что они уничтожали все природные связи с другими людьми, с семьёй и родственниками, преодолевали естественное для человека влечение сажать и сеять растения и обрабатывать почву и искореняли возможность всякого труда. Уничтожалось всё, что имело хоть какую-то связь с цивилизацией. Ручной труд был проклят и объявлен грехом. Использование огня было запрещено. Скучная пища манихеев могла быть только вегетарианской. Помимо этого, всё существующее в мире было, по их мнению, делом рук дьявола. Тело, почитаемое за скверну, заслуживало соответствующего обращения. Таким образом, они губили свои тела жесточайшим постом. Сходство между этими двумя явлениями (то есть первоначальным сирийским монашеством и манихейским монашеством) — удивительное. Картина жизни самых древних монахов невероятно похожа на то, что из себя представляли монахи манихейские.

Итак, если мы немного глубже взглянем на то, что известно о месопотамской религиозной ситуации, это позволит пролить новый свет на наше исследование.

Мы уже видели, что манихейство распространялось почти исключительно среди сирийцев. Помимо того что большинство произведений Мани написано на сирийском языке и для сирийцев, имеются также следы его деятельности в Месопотамии. После того как были открыты его «Главы» (*Kephalaia*), теряют смысл рассуждения и догадки относительно того, откуда он пришёл в Месопотамию. В этом источнике сообщается, что Мани, получив от Шапура разрешение проповедовать, посетил Персию, Парфию, Адиабену и границы с Римской империей. В это время уже должны были существовать первые манихейские общины в Месопотамии, которым он писал свои послания. Вскоре манихейское движение стало главным соперником ортодоксальных христианских групп. Важно отметить, что в процессе христианизации этих областей борьба с манихейством стала одной из главных забот руководителей христианских общин.

Уточним ещё некоторые детали. Чтобы лучше понять ту среду, в которой возникло месопотамское монашество, следует учитывать ту удивительную скорость, с которой манихейство достигло своего выдающегося положения, и ту особенную атмосферу, в которой это стало возможным.

Одной из самых известных черт манихейского движения была его невероятная способность к адаптации — именно в этом, хотя бы отчасти, заключается секрет его успеха. Манихейство впитывало в себя различные верования и формы духовной культуры, что позволяло приспособлять дуалистическое содержание манихейства к местным условиям. В эллинистических областях манихейство черпало новый материал из эллинистических источников, на Востоке — из всех тех источников духовной

культуры, которые были доступны. Всякий, кто обращается к манихейским фрагментам из Туркестана, замечает адаптации буддийских идей и мифологических сюжетов. Тот же процесс заметен в манихейских документах из Китая и Тибета, где из окружающей культуры заимствуются идеи, концепции и даже формулировки; всё это с успехом применяется и приводит к распространению взглядов самого манихейского движения. Таким образом, в Месопотамии, как и в других местах распространения манихейства, оно адаптировалось к уже существующей духовно-религиозной среде.

Что касается Месопотамии и Персии, мы можем вспомнить те наблюдения, которые делались выше. Мы видели, что первоначальное христианство появилось там в результате деятельности и влияний различных движений и групп, имевших аскетическую направленность. При этом важную роль играли маркиониты, которые среди движений того времени были наиболее враждебно настроены по отношению к миру. Далее сказались влияния валентиниан, различных энкратитских групп и многих других движений и течений. Общим для всех этих течений было отрицательное отношение к миру и к человеческому телу. Месопотамия в то время представляло собой арену, на которой взаимодействовали и соперничали друг с другом различные радикальные аскетические движения и учения.

Во II и III веках эти движения представляли собой настоящую духовную и религиозную силу, выражавшуюся, в том числе, и в количестве адептов. Церковно организованное христианство в сравнении с ними представляло явное меньшинство. В Эдессе, по свидетельству Ефрема, большинство называвшихся христианами входило в группировки, находившиеся под

влиянием Маркиона и Мани, в то время как церковная община составляла меньшинство; ей приходилось довольствоваться унижительным положением — её называли сектой, наименование которой соответствовало имени предстоятеля общины, Палута. Ефрем постоянно находился в печали от того, что церковной общине приходилось довольствоваться обороной, — эта ситуация отражена в его завещании. По-видимому, в других местах положение вряд ли сильно отличалось. Свидетельство Ефрема, который, будучи современником, взирал на это со скорбью, вряд ли является преувеличением. Несколько позже Марута жалуется на то же самое, описывая положение дел в церковном христианстве, которое напоминало ему, говоря его же собственными словами, «единственный пшеничный колос на огромном поле, полном еретических плевелов, посеянных диаволом».

Конечно, все эти аскетические движения постоянно нечто заимствовали друг у друга, таким образом взаимно обогащаясь. В источниках имеются сведения, позволяющие различить кое-что, имеющее отношение к методам их пропаганды и тем способам, которые были вызваны духом соперничества. Ефрем жалуется на то, что манихеи многое заимствовали из христианства и при этом пользуются обманом для своей выгоды: «ибо их деяния похожи на наши деяния, их посты похожи на наши, однако вера их не похожа на нашу». В своём 22-м обличении еретиков (написанном в стихах), в котором живо представлено тогдашнее положение дел, Ефрем показывает, насколько привлекателен ригоризм манихеев и насколько эффективно их умение приспособливаться: «Маркион отделил своих агнцев, затем Мани напал на них и отнял их; один безумец укусил другого». Эти едкие насмешки Ефрема показывают

силу манихейства, превосходившего все прочие религии убедительностью и популярностью своего аскетизма.

В историографической литературе имеются также свидетельства об отношениях между манихеями и христианами на персидской территории. Несколько кратких замечаний, по-видимому, относятся к тем гонениям, которые претерпело манихейское движение в правление Вахрама I (273–276); по-видимому, гонения в какой-то мере затронули и христиан — католикос Папа старался доказать, что между Церковью и опасно скомпрометированными последователями Мани нет никакой связи. Отношения между манихейством и христианством были достаточно продолжительными: даже во времена католикоса Ахая (410–415) между ними велась отчаянная борьба. Среди прочих принимавшихся мер упомянута наиболее решительная: следовало сжечь ряд религиозных построек, чтобы достигнуть большего разделения между манихеями и церковными христианами. Наибольшее беспокойство вызывало именно отсутствие ясной границы между манихеями и христианами. Сообщается, что обычаи и привычки членов этих групп были настолько перемешаны, что зачастую их было невозможно отличить друг от друга: «ибо христиане были настолько перемешаны с маркионитами и манихеями и пользовались их трудами». Это означает, что если христианство Церкви не могло продолжать борьбу, не вводя столь решительные и суровые меры даже в начале V века, это смешение должно было быть ещё более внушительным на век раньше.

Этот вывод очень важен для нашего исследования: мы можем заключить, что манихейское монашество занимало видное место в Персии и Месопотамии, причём это уже не догадка, а факт, подтверждаемый подлинными

источниками. В первую очередь, об этом говорится в гомилиях самих манихеев: множество монахов и монахинь направлялись в месопотамские провинции, для того чтобы распространять свой образ жизни; сообщается, что там они находили адептов. Имеется один важный подлинный манихейский текст, написанный в историческом жанре, который включает описание более раннего периода в распространении манихейского монашества в Месопотамии. В соответствии с сообщением этого документа, даже первоначальные усилия одного из главных последователей Мани по имени Аддай (или *Addā*; упоминания о нём есть у Феодорита и в других источниках) привели к тому, что в западных провинциях многие обратились к монашеству. Не следует, однако, и преувеличивать значимости этого сообщения, поскольку приблизительно то же самое можно узнать из *мемры* Ефрема: в ней мы видим, что Ефрему это доставляет большую скорбь. Суровый и многосторонний монашеский путь, предлагаемый манихейством, привлёк к себе многих людей и стал чрезвычайно популярным. Ефрема печалит его распространение и влияние, которое захватывало даже женщин: «и сегодня он (то есть демон) соблазняет простых женщин, используя различные уловки: одну он привлекает постом, другую — вретисцем и употреблением (в пищу одних) бобов». Ефрем предпринимает отчаянные попытки предостеречь мужчин и женщин, которых сильно влекло к такой форме аскетической жизни. Ефрем взывает к ним: «Бегите от них, братья! Не дайте обмануть себя внешней раскраской, ибо это цвет яда». К сожалению, те прочие многочисленные выражения, в которых он излил скорбь своего сердца, слишком туманны и непонятны, так что мы не будем их приводить. В целом, однако, они

свидетельствуют о том, насколько манихейские и христианские черты были тесно переплетены в ту эпоху. Примерно те же выводы можно сделать на основании анализа имеющего несколько более позднее происхождение манихейского заклинания.

Эти факты чрезвычайно важны для нашего исторического исследования. Они не оставляют сомнений в том, что месопотамское монашеское движение формировалось под постоянным влиянием манихейства.

Рассмотрение религиозных условий в Месопотамии того времени показывает, что тогда существовал целый спектр течений, — от манихейства с христианским оттенком до христианства с манихейскими элементами, причём весь промежуток между ними был заполнен течениями, демонстрировавшими всевозможные сочетания христианских и манихейских черт. Точно так же мы можем представлять себе и первые этапы истории монашества на этой территории — демаркационная линия между христианством и манихейством находилась в постоянном движении. Подобно тому как существовало беспримесное манихейское монашество со всеми его характерными чертами, так же мы должны постулировать и существование нескольких его модификаций, в которых те или иные черты манихейского монашества смягчались местными обычаями, которые, в свою очередь, черпали силы из христианства. Здесь в особенности следует упомянуть запрещение собирания плодов растений и деревьев — запрещение, делавшее жизнь практически невыносимой. Имеющееся в нашем распоряжении доказательство того, что этот запрет смягчался, к сожалению, восходит к более поздней эпохе. Как видно из согдийских документов, некоторые установления смягчались сирийцами и позже. Например,

среди согдийских общин возникал ропот по поводу тех, кто прибывал в местные общины из Месопотамии и кого называли «проклятыми сирийцами» на том основании, что они смягчили ряд манихейских обычаев.

Итак, если оказывается, что манихейское монашеское движение заметно влияло на возникновение сирийского монашества в Месопотамии, то для нас важно отметить ряд новых черт, которые оно внесло в общую картину месопотамского аскетизма. Мы рассмотрим, в первую очередь, то, что представляет для нас особую важность.

Во-первых, отметим исключительный авторитет, которым пользовались монахи, а также их полную автономность и независимость. В то время как роль общины верующих стала увеличиваться за счёт отказа от идеи управления Церкви аскетами, манихейство, напротив, возрождало эту идею, которая была основана на уверенности в том, что в духовной жизни аскеты располагаются гораздо выше обычных людей. По-видимому, именно манихейство надуло свежим ветром уже поникшие было паруса аскетического движения в его борьбе за независимость. Неудивительно, что монахи, столь решительно отрехшиеся от мира, стремились к независимости от более широких кругов верующих, соединённых своей церковной организацией, молитвой и иерархией. При этом трудно сказать, насколько велик вклад подобного отношения манихейских монахов к простым верующим в те изменения, которые происходили в христианстве. Безусловно, монахи чувствовали нужду в независимости, а отречение от мира и презрение ко всему мирскому побуждали аскетов, до того времени живших в общинах, к одинокой отшельнической жизни. В любом

случае, влияние манихейского монашества на месопотамский аскетизм состояло в распространении и популяризации идеи о том, что аскеты представляют собой элиту Церкви и потому должны быть независимыми от церковных общин.

Следующий фактор, который привёл к радикальному изменению религиозной среды и обычаев, — принятое в манихействе сведение всей религиозной жизни исключительно к молитве. Молитва при этом становится заменой всех религиозных действий и культовых установлений. Таким образом, аскет оказывался свободен от каких бы то ни было связей с Церковью со всеми её установлениями и священнодействиями.

Третий фактор влияния заключался в обогащении аскетической атмосферы в Месопотамии благодаря введению эзотерических практик и обычаев. Заслуга манихейства заключается в том, что оно сделало доступным в Месопотамии обычаи и различные формы индийского аскетизма. Несомненно, что уже Мани имел перед глазами образец буддийских монахов, и вполне возможно, что он и его спутники знали и о других индийских течениях. В пользу этого свидетельствует ряд фактов. Новые открытия совершенно обесценили имевшие место ранее споры и догадки относительно того, бывал ли Мани в Индии и встречался ли он там с монахами. Недавние раскопки показали, что для этого совершенно не обязательно было путешествовать в Индию, поскольку буддийские колонии существовали в восточной Персии. Вполне естественно, что Мани должен был испытывать к ним интерес и, вероятно, старался узнать о характере принятой в них аскетической жизни.

После же открытия «Глав» споры о возможном пребывании Мани в Индии ушли в прошлое, поскольку в них сам Мани рассказывает о своём путешествии в Индию. Нет никаких серьёзных сомнений, что там Мани многое заимствовал, — в пользу этого свидетельствуют многочисленные черты сходства между манихейскими монахами и тем, что нам известно об Индии. Более того, первые обращённые в манихейство жители этих территорий, вероятно, способствовали принятию своих прежних обычаев среди манихеев. Когда Мани, по его собственному свидетельству, привлёк в Индии многих аскетов, они, несомненно, пришли не с пустыми руками, но захватили с собой свои прежние привычки и обычаи. Таким образом, с самого начала манихейское монашество стало использовать многое из того, что было характерно для монахов Индии. Эти индийские черты через посредство манихейского монашеского движения были перенесены из Индии в Месопотамию и повлияли на формирование месопотамского аскетического духа. В этом отношении большую ценность представляет собой замечание Ефрема: «через Мани ложь из Индии снова стала господствовать». Можно предположить, что это заключение о манихейском монашестве, сформулированное Ефремом, больше соответствует действительности, чем мнение многих современных учёных.

Итак, через посредство манихейства в Месопотамии появились эти неожиданные новые факторы, которые попали на плодородную почву и, по-видимому, в значительной мере обогатили месопотамский аскетизм. Соединение манихейства, впитавшего в себя обычаи монахов Индии и Персии, с фанатизмом и бурным духом

сирийцев привело к возникновению в аскетическом движении совершенно новых явлений.

С учётом всего сказанного неудивительно, что в ранних формах месопотамского монашества присутствуют черты, которые невозможно возвести к влиянию Нового Завета или христианской традиции. Свидетельства о древних монахах представляют картину, которая на удивление хорошо соответствует привычному изображению монахов Индии.

Содержащийся в Дасабрахмана-Джатаке рассказ об аскетах, которые пожертвовали своими домами и семьями, а также жизнью в человеческом обществе, представляет их подобными диким животным. У этих монахов длинные ногти и длинные волосы, гнилые зубы, пыльные волосы, покрытые грязью и нечистотами; они странствуют, как попрошайки. Более того, их самоистязание и умерщвление тела доходило до нанесения себе вреда. Их не пугало даже логическое следствие всего этого — самоуничтожение. Это и есть *агниправеши* (*agnipraveśa*), добровольная смерть лучших из аскетов, представляющая собой высшее аскетическое достижение. Древние тексты сообщают нам, что средствами достижения *агниправеши* были отказ от пищи, низвержение со скалы, ввержение себя в воду или в огонь. Добровольная смерть в огне считалась особенно желанной — в соответствии с брахманскими поучениями, эта форма *агниправеши* обеспечивала надёжное вступление в мир Брахмана.

Итак, становится понятным способ проникновения в Месопотамию тех черт, которые были характерными для индийского монашества, — беспрестанного бродяжничества, одяния в лохмотья, наготы, нечистоты, отказа от ухода за волосами, самоуничтожения в огне. Всё

это попало в Месопотамию через манихеев, подобно тому как через них же между Индией и Месопотамией происходил обмен литературными текстами и темами.

Теперь первоначальный этап в истории сирийского монашества начинает появляться перед нами, выходя из сумерек на яркий свет. Если бы мы больше знали о древних монахах Месопотамии, многие черты, о которых сейчас мы можем лишь догадываться, были бы также хорошо различимы.

Наконец, эти выводы отвечают на вопрос о том, почему в сирийском христианстве было совершенно забыто зарождение его монашеского движения. Теперь этот изъян памяти уже не должен нас удивлять.

Хотя церковное организованное христианство предпочло забыть первые шаги своего монашества и поверх них церковной кистью нарисовать новую картину, ведь считать идею монашества принесённой из Египта было куда приятнее, влияния манихейства оставались в качестве важнейшего элемента даже на поздних этапах истории монашества. То, что проникло в раннюю эпоху, никуда не исчезло — к примеру, беспокойная бродячая жизнь, презрение к труду, неустанная молитва, суровое умерщвление плоти вплоть до уничтожения человеческого тела. Это не раз ещё поможет нам понять многие неожиданные черты, проявлявшиеся как на раннем этапе истории сирийского монашества, так и позже. Без этого древнее сирийское монашество со всеми своими устремлениями и необычными чертами осталось бы для нас совершенно необъяснимым феноменом.